

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Их знают. Их помнят, до сих пор узнают на улице, хотя не так часто видят теперь на экране. И до сих пор они вместе — потому что не могут и не хотят иначе. Тридцать лет рядом — это ведь не только общие дом и дети, а образ жизни и ее философия, если хотите. Так считают Светлана СВЕТЛИЧНАЯ и Владимир ИВАШОВ. В их уютной квартире, куда не долетает шум с суетливого Ленинского проспекта, звучат стихи, а рыжий сеттер Фил, лениво взмахнув хвостом, дает разрешение задавать вопросы своим хозяевам...

Он, она, их дети и роли...

— Классик писал, что все счастливые семьи похожи. И актерские тоже?
С. С.: Нет. По-моему, очень важно, есть ли дети. Не будь у нас детей или даже собаки, то мы были бы другие. Вообще биополе каждой семьи особенно. Наверное, многое зависит от духовности. И еще — от контраста. Вот мы с Володей непохожи, очень разные. И в жизни, и в подходе к ролям. И это наш плюс. Помню, как он работал над Ставрогиним в «Бесах», а я над Марьей Тимофеевной — это наша последняя работа в Театре киноактера. Мы ругались, доказывая что-то друг другу. И только потом осознаешь — а ведь он был прав. Или наоборот...

— А как вы познакомились?
В. И.: Элементарно. Во ВГИКе, когда я остался на второй год из-за сбежав в «Балладе о солдате». Я учился у Козинцева, а Светлана у Ромма.
С. С.: У нас с Володей были общие отрывки — например, в «Казаках» Толстого. И целовались тогда на сцене...

В. И.: Как доходит до этого места — стоп, репетиция застопоривается.
С. С.: Когда я позвонила маме в Мелитополь и сказала, что хочу выйти замуж, она спросила, кто он, а я говорю — смотрите «Балладу о солдате». Мама как раз накануне видела фильм. Тогда мы еще не знали, что совместимы и по гороскопам — я Телец и Дракон, Володя — Дева и Кролик.

В. И.: Конечно, что кролик перед драконом!
— Два актера в семье — это легко или трудно?
С. С.: Это лучше, чем один. У нас общие профессиональные интересы. Если бы у меня был муж режиссер, то, боюсь, вела бы себя необъективно — заставляла снимать во всех картинах, бралась бы не за свое дело. Такое, увы, не редкость. Что у нас еще хорошо — Володя все делает дома, что и я, — готовит, стирает, гладит, убирает...

В. И.: Это уже реклама...
— Владимир Сергеевич, как вы относитесь сегодня к своим прежним романтическим героям?
В. И.: В то время я не думал об отношении. Тогда преобладали так называемые положительные герои. Сегодня же я убежден, что нельзя рисовать героя одной краской, если это не диктуется законами жанра. Сейчас все названо своими именами — «оттепель», «свобода». А тогда были просто студенческие «напустники», за которые потом «секали» на институтских собраниях. Тогда мы еще не понимали значения всего, что происходило вокруг, как и значения своих героев.
С. С.: И еще — мы тогда во все верили. И всем верили. Этим и отличается то время от нынешнего.

В. И.: Нам было чуть за двадцать лет. Не было еще философского отношения к жизни — философия была лишь как предмет, который надо «сдать». А ведь философия — как одна из составляющих жизни — необходима, особенно сегодня. Вот и на съез-

дах я не слышу почти ни одного философского, мировоззренческого выступления. Все ограничивается в основном критикой прошлого и настоящего. Звучат необоснованные обещания — все будет, будет... Думаю, что без поворота к нравственности, к морали, ничего не сдвинется с места, ничего...

— А как вы отбираете для себя роли?
В. И.: Раньше было одно сплошное желание работать. Вот дают роль — буду сниматься! Поэтому много и брака было...

С. С.: Я стараюсь уберечь себя от таких картин, которые лет через пять вряд ли кто будет помнить. Мало фильмов, подобных «Миру ночью», увиденному еще в студенческие годы. Казалось бы, стриптизы во всех «злых» местах, но как сделано, на каком высоком художественном уровне. Так же, как и «Легенда о Нарайяме» — гимн любви, хотя там есть и вещи, которые некоторых шокируют.

Что до ролей... Раньше я от многого отказывалась, сейчас об этом жалею. Особенно, что отказалась у Ларисы Шепитько в картине «Крылья» играть дочь. Мне казалось тогда, что такую дочь не должна быть — потому что я сама совсем другая дочь. Но ведь ты не должен и не можешь воплощать на экране только себя...

В. И.: Это работа.
С. С.: Хотя очень важно, с кем ты будешь работать.

В. И.: Потому как много конъюнктурщиков, проходимцев и пошляков...
С. С.: Творческая и жизненная позиция должна быть единой. Когда проповедующий в искусстве высокие идеалы режиссер в жизни подлец или негодяй, то нет смысла затевать с ним работу. Потому что на экране все это будет видно. Это природа творчества.

— Но если нечасто сниматься, то как вам удается поддерживать нужную актерскую форму и так молодо выглядеть?
С. С.: Вообще я спортивный человек. Был период, когда мне казалось, что я потрясающая теннисистка. Осталась коллекция фирменных ракеток. А еще была йога, «моржом» была, и вот теперь голодание...

В картине «Запретная зона» я играла женщину, ушедшую в горы и давшую обет молчания. Тогда я сама на голод посадила себя дней на восемь... В этом году семь недель постился перед Пасхой. Человек должен очищаться, должен себя воспитывать сам.

В. И.: Вы спрашиваете, почему я готовлю — так наголодаешься ведь. А я с охоты привожу дичь, мясо, рыбу... Вот пахнет заячий для поддержания формы хорош... Но если серьезно, то замечаю, что стал сдавать. Какие-то задачи мне становятся трудно выполнять. Но это очень сложный разговор... Когда актер играет Калигулу или Ричарда III, например, то отдача эмоциональная, нервная, психическая — колоссальная! Вот после «Бесов» я приезжаю домой выжатый как лимон.

С. С.: Я сделала глухость, когда

решила, что кинематограф важнее, чем театр. Сейчас я думаю иначе. Если бы работала в театре, я была бы на голову выше в собственных глазах. Там есть независимость в трактовке роли. Режиссер может лишь подсказать, но не вправе диктовать.

В. И.: У меня были разные периоды. И любил кино, и не любил, и мучения были. Когда сидишь пять лет без работы, оптимизм поубавляется... Снял сейчас в нескольких картинах, в том числе и для денег — ведь за работы, которые нравятся, ничего не получаешь. Но мне вообще-то мало что нравится, в основном старые мои роли.

С. С.: А у меня любимая роль в фильме Михаила Калика «Десять раз о любви». В прокате он шел с названием «Любить». И хотя я понимаю, что у зрителей мое имя ассоциируется в первую очередь с «Бриллиантовой рукой», та роль никак не вяжется с моей актерской и человеческой сущностью (хотя я очень рада, что и она была). Но важнее для меня картина Калика. Если бы она пошла в авторском, неизрезанном виде, то, возможно, моя творческая судьба была бы другой. Еще одна неожиданность была и в картине «Держись за облака», совместной с венграми, которую тоже мало кто помнит. «Стряпуха»? За нее не стыдно, что тоже очень важно...

— Но мы помним и блестящие эпизоды с вашим участием...

С. С.: Некоторые останутся, конечно, в памяти у зрителей. В эпизоде важно дать возможность узнать жизнь героини «до» и «после». Маленькая роль должна бить в десятку. Поэтому я не отказалась ни от одного эпизода. И когда меня приглашают, видимо, чувствуют, что могу, молча, как собака, донести больше, чем написано. За это и люблю профессию. Но кажется, что была бы более способным врачом, чем актрисой.

— Трудно житься без ролей?

С. С.: «Предчувствие любви сильнее чем любовь». Надо набраться терпения и ждать. Сначала мне было обидно слышать вопросы, — почему мы вас долго не видим на экране, — а сейчас я радуюсь — значит, хотят видеть. А если хотят, то увидят. Если только физически не умру.

— Родители-актеры нередко тянут на вожжах своих детей в кино. Пожелали бы своим сыновьям похожую судьбу?

С. С.: Нет, это не каждый может вынести. Много талантливых актерских судеб сошло на нет, не выдержав несправедливостей. И если нет рядом человека, который тебя поддержит, то худо. Важно, будучи обиженной, не стать обозленной. А это возможно, если в семье все хорошо — есть дети, есть заботы...

Вообще-то мы плохие воспитатели. Но дети нашли себя сами. Старшему Алеше — 28 лет, он зубной техник. Младший, Олежек, сейчас работает учеником автослесаря, готовится к армии. Любит машину, но это не его предел.

В. И.: Мы не советовали и не давили. Они снялись только в одной картине «Осенние колокола» по Пушкину. Олег сыграл царевича, а Алеша — шестого богатыря. Я тогда сказал ему — теперь ты понял, как важно быть первым?

— Наконец, последний вопрос: какое главное качество вы цените друг в друге?

С. С.: Я — честность и порядочность. Благодаря Володе я научилась сдерживать эмоции. Думать о том, приятны ли будут человеку мои слова и имею ли я право на них.

В. И.: Неповторимость. Непредсказуемость. Такого второго человека, как Света, я вообще не знаю. Уникальный человек.

С. С.: Как и любой другой! Надо только познать самого себя и стараться быть лучше. На этом пути у меня немало открытий, в том числе и в поэзии. — Волошин, Ахматова, Габриак. Записала на «Мелодии» диск «Флорентийских ночей» Цветаевой. Мы все сейчас переживаем кризис. Нужно вернуть веру каждому. И тогда наступит возрождение...

Беседу вела Наталья БОБРОВА.

● Светлана Светличная в фильме «Семнадцать мгновений весны».

● Алеша Скворцов в фильме «Баллада о солдате» — первая работа Владимира Ивашова.

Фото Александра Сизухина.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ